

А.Ю. КОНКИНА
Нижний Новгород
**«ВЫХОДА НЕТ», ИЛИ СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ВАСИЛЬЕВА (ГР. «СПЛИН»)**

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

А.А. Блок.

Говорить о песне «Выхода нет» невозможно, не видя её связей с русской литературой и культурой. Но, как минимум, нельзя говорить о ней, не принимая во внимание раннее творчество группы «Сплин», средоточием идей которого и стала эта композиция и которому мы посвящаем настоящее исследование. «Выхода нет» – это не просто надпись на дверях метрополитена и не просто тупик, – это ключ к пониманию художественного мира Александра Васильева.

Одна из специфических черт стиля «Сплина» заключается в том, что большинство песен имеет конкретные указания на время и место действия, что привносит в лирику некоторый элемент эпичности. На протяжении творческого пути этой рок-группы хронотоп менял свои очертания, но применительно к их ранним работам (куда мы относим три первых альбома) можно говорить о единой системе мировоззрения и мировосприятия.

Начнем с того, что текстам А. Васильева этого периода свойственна явная мифологизированность, как в отношении пространства, так и в отношении времени: легко выделяется мир реальный (претендующий на реальность) – профанный и мир вымышленный – сакральный. Подобная оппозиция характерна для архаических представлений, нашедших своё отражение в русском фольклоре (волшебные сказки, к примеру) и получивших своё новое развитие в музыке русского рока.

Герой в ранних песнях «Сплина» существует в двух основных пространственных плоскостях – в городе и в лесу, явно противопоставленных друг другу. Как известно, родной город А. Васильева – это Санкт-Петербург, уже сам по себе являющийся мифом. Именно он и становится основным местом действия большинства песен, и Васильев, нисколько не выходя за рамки традиций рок-музыки, создаёт свой собственный миф о нём. Восприятие города во многом обуславливает деструктивное мировоззрение, под влиянием которого Санкт-Петербург начинает приобретать странные черты: он сожжён («Невский проспект»), разрезан рельсами («Спи в заброшенном доме»), окутан тьмой («Чёрный цвет солнца»). Самой зловещей песней в этом смысле является «Война», где герой рисует картины страшного будущего, которое ждёт его родной город:

Я знаю, что будет война,

Потускнеют умы, разобьются сердца,
И девочка с пулей во лбу
Будет звонко смеяться над трупом отца,

Собаки сорвутся с цепей
И оставят хозяев по горло в крови,
Возьми, уходя, свои лучшие песни,
А всё остальные порви¹.

Схожие черты города можно обнаружить и в творчестве А. Башлачёва², но существенная разница между ними заключается в том, что для А. Васильева Петербург родной, поэтому его герой ощущает сильнейшую связь с ним, и в метафорической форме эта идея становится рефреном композиции «Невский проспект»:

Мы будем петь и смеяться как дети,
Мы похоронены на Невском проспекте

Уже здесь очевидно, что он настолько привязан к городу, что не может вырваться из него в тот самый сакральный мир:

Знаешь, я хотел уйти с тобою сквозь лес,
Но что-то держит меня в этом городе, на этом проспекте
«Иди через лес»

Васильев явно противопоставляет лес городу, ибо это одно из немногих мест, где возможно невозможное. Такую оппозицию можно рассматривать как столкновение сакрального и профанного мира, причём сакрализация здесь носит почти языческий характер. Лесное пространство в текстах «Сплина» часто сопровождается фольклорными образами и мотивами, в нём присутствует и такой локус, как река («Река бежала за окном, шумел сосновый бор», «Пыльная быль. Сказка»; «Ты спроси у флейты из сухого тростника, что на дне своём скрывает мутная река», «Моя любовь»; «Серебряные реки»). Наиболее показательна в этом отношении композиция «Будь моей тенью» с альбома «Коллекционер оружия»:

В эту ночь дивным цветом распустится папоротник.
В эту ночь домовые вернутся домой.
Тучи с севера, ветер с запада,
Значит, скоро колдунья махнёт мне рукой.

Цветущий папоротник, колдунья, домовые, русалка – А. Васильев не отрицает сильного влияния на него устного народного творчества, явные отголоски которого легко обнаруживаются в его песнях. Лес и его чудеса – это тот мир, в котором герою хочется существовать:

Дремучие леса, волшебные поляны.
Черничные кусты зализывают раны.
Но в крике стрекозы, в глазу у муравья
Есть место для тебя, есть место для меня.
«Самовар»

Очень часто лесное и городское пространство сужаются до более ограниченной территории – дома. В народных представлениях дом является средоточием жизненных ценностей, счастья³. Оппозиция «дом» – «лес» (или «город» – «лес») своими корнями уходит в древнейшие представления о «своём» и «чужом», однако здесь «чужим» становится дом – такое разрушение традиционного архетипа свойственно рок-поэзии. Описание дома у А. Васильева всегда связано с тремя объектами: лестницей, дверью и окном, где первое – это путь, второе – вход, третье – выход⁴. В этом контексте можно сопоставить песни «Звери» и «Двое не спят» (из альбома «Черновики», но хронологически относящиеся к тому же времени, что и остальные рассматриваемые композиции), где с помощью реального и психологического пространства даётся разное понимание любви:

Ни окна, ни пролета, ни двери –
Только чёрная мёртвая ночь.
В ней, забыв о грядущем, спят усталые звери,
Отовсюду ушедшие прочь.
Им не хочется думать о прошлом,
В этом прошлом так много смертей...
«Звери»

Васильев сразу указывает на то, что ни входов, ни выходов там нет, равно как нет прошлого и будущего: звери находятся в некоем пространственном и временном вакууме. Такой мотив полного ограничения звучит и в других композициях («Война со всех сторон, а я опять влюблен»), что вполне соотносится с той идеей, что появляется в финале этой песни:

А любовь – это клетка, я опять загнан в угол
Как беспомощный раненый зверь.

Подобное пространство становится иным, когда там появляются двое:

Лестница здесь. Девять шагов до заветной двери.
А за дверями русская печь и гость на постой.
Двое не спят. Двое глотают колеса любви.
Им хорошо. Станем ли мы нарушать их покой?
«Двое не спят»

В народных представлениях дверь всегда была магическим местом, как правило – границей между двумя мирами. Современный рок в допол-

нение к этому испытывает влияние идей Джима Моррисона о дверях восприятия, почерпнутых им у Уильяма Блейка. Другое магическое место в доме – окно. В песне «Двое не спят» присутствует характерная для «Сплина» идея выхода в окно («Если б я знал, что меня ждёт, я бы вышел в окно»), которую нужно рассматривать в общем контексте суицидальных мотивов в их творчестве. Комментируя композицию «Выхода нет», Васильев говорил: «Во многих европейских столицах... в Париже, по-моему, в Лондоне – вообще запрещена эта надпись – “Выхода нет” в метро,... потому что люди выходят и смотрят, если надпись есть такая – “Выхода нет”, то всё, и выхода нет вообще в жизни. Всё – верёвка, и под поезд!»⁵. В городе – под поезд, в доме – в окно: очевидно, в последнем случае нельзя не признать влияние творчества и личности А. Башлачёва, судьба которого отразилась в ряде песен Васильева («Девятиэтажный дом», «Летела жизнь»). Такая «безвыходность» обусловила и особое отношение к дому:

Нечего делать внутри, я стою на пороге.
Жду, когда кто-нибудь треснет мне дверью по бороде,
Жду, когда кто-нибудь переломает мне руки,
Или попросит войти или выгонит нафиг.

<...>

Знай, я хотел убежать, но мне некуда деться.
«Нечего делать внутри»

В композиции из следующего альбома идея нежелания возвращаться домой зазвучит в более жёсткой форме:

Готов ли ты убить того, кто вспомнит адрес мой?
Я не хочу, я не хочу, я не хочу домой!
«Я не хочу домой»

Такое отношение к дому – типичная черта мировоззрения рок-поэтов. Иное воплощение она имеет в вымышленном сакральном пространстве:

Холодно мне в горнице,
Двери не откроются,
Ключи у рака, а рак на горе.
«Будь моей тенью»

Во-первых, здесь не просто дом, а изба – с горницей; во-вторых, формулировка явно отсылает к сказочным ориентирам (на мотив «смерть его на конце иглы, игла в утке, та утка в зайце...») и народному фразеологизму «Когда рак на горе свистнет». Окно в этой песне становится не выходом, а входом, но лишь при условии превращения: «Хорошо обернуться трамваем и въехать в твоё окно».

Однако на доме со всеми его атрибутами пространства у Васильева не заканчиваются. Он находит ещё одно место, куда можно уйти от окружающего мира – это книга: она становится неким мифическим местом, куда герой стремится и где находит то, что ему нужно:

Мне хочется тихо сгореть в пламени неразведённых костров,
В открытую книгу спрятаться между строк.
«Скоро будет солнечно»

В этой книге между строк
Спрятан настоящий бог.
«Бонни и Клайд»

Лирический герой композиций «Сплина» часто прячется – от окружающего мира, от себя и даже от времени:

Зима укрыла сожжённый город,
И мы уходим подземным ходом
Туда, где снег белей и чище,
Туда, где время нас не отыщет.
«Невский проспект»

Время в композициях «Сплина» приобретает самые различные формы: оно может быть одушевленным («Время качало головой, летая задумчивой совой», «Жертва талого льда»), может длиться бесконечно, не меняясь («Все эти годы мы пили этиловый спирт», «Чёрный цвет солнца»), может растягиваться («И ты забудешь мой последний взгляд, но через сотни лет должна узнать мой голос», «Невский проспект»). Все эти игры со временем получают наибольшее развитие в последующих альбомах группы, где будут появляться даже самые невероятные величины («Это тянется время полураспада урана», «Лабиринт»), но и раннее творчество Васильева в полной мере отражает те сложные отношения, в которые лирический герой вступает со временем:

Завтра на этом месте меня собьёт автомобиль.
«Любовь идёт по проводам»

Любопытно то, что самым часто упоминаемым временем года становится зима («Зима укрыла сожжённый город», «Невский проспект»; «У штаба полка в глыбу из льда вмёрз часовой», «Двое не спят»; «Цветы и руины торжества в декабрьской стуже», «Жертва талого льда» и т.д.), а временем суток – ночь. Причём нередко ночь и зима соединяются в единое целое, бесконечное и мучительное:

Все круги разойдутся,
И город окутает тьма,

Двадцать лет я смотрю в календарь,
И все эти годы в календаре зима.
«Чёрный цвет солнца»

Но когда речь идёт о месте чудесном, то и ночь становится иной:

В эту ночь дивным цветом распухнет папоротник,
В эту ночь домовые вернуться домой.
«Будь моей тенью»

Нужно отметить, что раннему творчеству Васильева практически не свойственно романтическое восприятие ночи, такие мысли появятся в последующих песнях («Ночь чернеет впереди, свет гаси и приходи», «Приходи»), а здесь чаще всего в русле архаического мировоззрения ночь является чем-то страшным («Ни окна, ни пролета, ни двери, только чёрная мертвая ночь», «Звери», «Ночь как змея поползла по земле», «Двое не спят»), поэтому герой ждет появления солнца, но и оно не всегда приносит свет:

Кто нам подарит рассвет?
Чёрный цвет солнца...
«Чёрный цвет солнца»

Из представленных цитат видно, что лирический герой ищет выход и из времени, ибо оно представляет собой такой же замкнутый круг, как и пространство. Можно говорить о том, что здесь имеет место циклическое восприятие времени, при котором нет движения вперед, а есть только путь по единой траектории. Это вполне сопоставимо с прямым и переносным выражением безвыходности в пространстве – домом, в котором закрыты (отсутствуют) окна и двери, и городом, с которым герой тесно связан и который не может покинуть. Нельзя не отметить того, что в отношении хронотопа раннее творчество Васильева близко художественному миру Александра Башлачёва, степень влияния которого ещё предстоит выяснить в дальнейших исследованиях. В целом же специфика пространственно-временных отношений в раннем творчестве «Сплина» во многом обусловлена как мифологическим мировоззрением, так и чертами рок-музыки, в русле которой работает А. Васильев, в результате чего многие архетипические представления в его композициях сохраняются формально (в виде неких оппозиций), но часто полностью меняются содержательно.

P.S. На одном из концертов после исполнения песни «Выхода нет» Александр Васильев сказал: «Выход на самом деле вон там» – и указал на дверь.

¹ Здесь и далее тексты А. Васильева цитируются по: *Васильев А. Сплин. Тексты песен.* – М.; СПб., 2008.

² См.: *Гавриков В.А.* Мифопоэтика в творчестве Александра Башлачёва. – Брянск, 2007. – С. 121.

³ См.: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* – М., 1995. – С. 168.

⁴ Традиционно дверь считается «нормальным» выходом, в то время как через окно и печную трубу осуществлялись контакты с потусторонним миром.

⁵ Цит. по: Сплинотека: сайт. – Режим доступа: teka.splean.info.

© А.Ю. Конкина

Н.М. МАТВЕЕВА

Тверь

ЛИРИКА РУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ РОК-ГРУПП «НОЧНЫЕ СНАЙПЕРЫ» И «СУРГАНОВА И ОРКЕСТР»

В настоящее время некоторые музыкальные исполнители выбирают в качестве текстов для своих песен стихотворения классиков. Если ранее мы старались выбрать наиболее востребованных исполнителями поэтов и рассматривали случаи исполнения различными музыкантами песен на стихотворения С. Есенина, В. Маяковского, А. Блока¹, то в данной статье мы решили пойти от обратного и рассмотреть песни на стихотворения различных поэтов в творчестве какого-то одного исполнителя. Впрочем, исполнителей получилось два.

Наибольшее количество песен на стихи русских классиков XX века мы обнаружили в совместном творчестве рок-певиц Дианы Арбениной и Светланы Сургановой в группе «Ночные Снайперы», а также в последующем индивидуальном творчестве каждой из исполнительниц в рок-группах «Ночные Снайперы» (Арбенина) и «Сурганова и Оркестр» (Сурганова).

Совместно в группе «Ночные снайперы» Диана Арбенина и Светлана Сурганова исполнили песню «Сохрани мою тень» на стихи И. Бродского (альбом «Детский лепет», 1999). После ухода Сургановой группа «Ночные Снайперы» записала песню «Я сижу у окна» также на стихи И. Бродского (альбом «Тригонометрия», 2004), на концертах Диана Арбенина исполняет песню «Реквием» на одноименное стихотворение М. Цветаевой. Группа «Сурганова и Оркестр» исполняет песни «Неужели не я» на стихи И. Бродского (альбомы «Неужели не я», 2003; «Кругосветка», 2006), «Мне нравится» на стихи М. Цветаевой (альбом «Любовное настроение», 2005), «Путник милый» на стихи А. Ахматовой и современного поэта Т. Хмельник (альбомы «Любовное настроение», 2005; «Возлюбленная Шопена», 2005), «Я знаю женщину» на стихотворение Н. Гумилева (альбом «Возлюбленная Шопена», 2005), «Ленинград» на стихи О. Мандельштама (альбом «Чужие как свои», 2009).

Применив к вышеперечисленным песням выведенную нами ранее на образцах целого ряда песен на стихи Есенина, Маяковского и Блока типо-